

слово Юлія Кесаря, шедшаго на Помпея: не опасенъ полководецъ безъ войска“. Завадовскій даже считалъ вѣроятнымъ, что Франція лишится своего вліянія въ пользу Австріи и Пруссіи. Свои довольно подробныя разсужденія по этому предмету онъ заключаетъ словами: „Я заболтался въ матеріи свыше моего смысла. Смѣйся, дозволяю, что я дичь порю, и полагай, что инвалидъ хотѣлъ чѣмъ-нибудь распространить свою бесѣду съ тобою, въ заглаженіе долгаго молчанія“ (247).

Событія въ первое время царствованія императора Александра отвлекли вниманіе Завадовскаго отъ вопросовъ внѣшней политики. Къ тому же и Завадовскій, и Александръ Романовичъ Воронцовъ находились въ Петербургѣ и могли лично бесѣдовать о дѣлахъ западной Европы. Только въ 1804 году Завадовскій въ письмахъ къ своему другу возвращается къ этому предмету. Успѣхи Наполеона въ это время не измѣнили его убѣжденія, что Франція, въ сущности, не столь опасна, какъ полагали многіе другіе. Поэтому онъ былъ противъ вмѣшательства Россіи во францужско-нѣмецкія дѣла. Такъ, напр., онъ писалъ: „Въ германскихъ дѣлахъ господствуетъ интересъ не нашъ, а другихъ державъ... не вчужѣ ли мы кидаемъ громъ?.. я считаю настоящее нашествіе на Германію за преходящее. Въ прежнихъ войнахъ между императоромъ и Франціею меньше ли страдали? Необыкновенное будетъ токмо то, ежели мы за грабежи германцамъ станемъ опустошать наши карманы“. Какъ трудно было тогда предвидѣть будущее, видно изъ слѣдующихъ замѣчаній Завадовскаго: „Приходятъ вѣсти, что Бонапарта провозглашаютъ императоромъ галловъ. Вотъ плоды ругательства и заговоровъ! ¹⁾ Вмѣсто испроверженія послужили возвеличить лицо его. Отъ сего происшествія, можетъ быть, и дѣла иной видъ воспримуть. Авось въ санѣ императора возлюбитъ миролюбіе и потушитъ жаръ военный, которымъ сгоралъ въ качествѣ консула. Его довольно упражнять внутреннія заботы, ибо посѣдаемый престолъ также подыметъ враждующихъ. Въ народѣ могла быть тысяча такихъ, что простирали упованіе быть консуломъ, а наставшая царская линія то запинаятъ. И тутъ можемъ увидѣть борьбу новую, какъ явно и то, что судьба подъ своимъ щитомъ держитъ сего дивнаго чело-вѣка“ (281). Въ началѣ 1805 года, онъ удивлялся способностямъ „на все досужаго самодержца“ и писалъ: „Даже противъ сокровеннаго онъ столько чутокъ, что на посла Кобенцеля уже наступалъ съ жаромъ. Трудно въ какомъ-либо случаѣ постигнуть его

¹⁾ Намекъ на заговоръ Пишегрю, Моро и пр.